

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-10-25
УДК 159.9

СРЕДОВАЯ ПРИРОДА ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Циринг Д.А., Пономарева И.В., Овчинников М.В., Эвнина К.Ю., Честюнина Ю.В.

Статья посвящена природе личностной беспомощности. Определив личностную беспомощность с позиций субъектно-деятельностного подхода как качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, ставится вопрос о средовых факторах её формирования у подростков.

Цель исследования – выявить особенности семейных взаимоотношений и их вклад в формирование личностной беспомощности у подростков. С позиции системного подхода авторы статьи доказывают, что коммуникативные процессы в семье беспомощных подростков отличаются большим количеством нарушений, чем семейные взаимоотношения самостоятельных подростков. В ходе исследования получила свое подтверждение гипотеза о том, что нарушения семейных взаимоотношений выступают средовым фактором формирования личностной беспомощности. Названы основные нарушения межличностных коммуникаций в семье, детерминирующие личностную беспомощность у подростков: доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, жестокое обращение, противоречивый стиль воспитания.

Ключевые слова: личностная беспомощность; семья; нарушение межличностных коммуникаций; детско-родительские отношения; природа личностной беспомощности.

ENVIRONMENTAL NATURE OF PERSONAL HELPLESSNESS: RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH

Tsiring D.A., Ponomareva I.V., Ovchinnikov M.V., Evnina K.Yu., Chestyunina Ju.V.

The article is devoted to the nature of personal helplessness. Defining personal helplessness

ness from the position of subject-activity approach as the quality of the subject, which is the unity of certain personal characteristics, resulting from the interaction of internal to external conditions, determines the low level of subjectivity, the question of the environmental factors of its formation in adolescents.

The purpose of research – to reveal features of family relationships and their contribution to the formation of personal helplessness in adolescents. From the perspective of systemic approach the authors argue that the communicative processes in the family helpless teen lots of different disorders than family relationships independent teenagers. The study has received the confirmation of the hypothesis that the violation of family relationships are the environmental factors of formation of personal helplessness. Named the major violations of interpersonal communication in the family, determining personal helplessness in adolescents: a dominant giperproteksiya, increased moral responsibility, abuse, inconsistent parenting style.

Keywords: *personal helplessness; family; violation of interpersonal communication; parent-child relationship; the nature of personal helplessness.*

Введение

В современной отечественной психологии результатом научного интереса к феномену беспомощности явилось множество частных исследований, как самого феномена, так и смежных с ним явлений. Среди направлений изучения беспомощности в современной отечественной психологии можно выделить исследование медицинских аспектов беспомощности (А.А. Уянаев, О.Ю. Введенская) и изучение психологии беспомощности у человека (Н.А. Батурич, Е.В. Веденеева, И.О. Девятковская, Е.А. Евстафеева, Е.В. Забелина, Ю.К. Мухаметова, С.А. Сальева, Д.А. Циринг, В.В. Шиповская, Ю.В. Яковлева, и др.) [1, 5, 10, 14, 15].

Детальное обращение Д.А. Циринг (2001, 2010) к явлению выученной беспомощности, описываемому М. Селигманом в одноименной теории привело к исследованию нового феномена в психологии и созданию целостной концепции, посвященной личностной беспомощности (Seligman, 1975) [13]. Концепция личностной беспомощности Д.А. Циринг, являясь другим уровнем осмысления феномена беспомощности в целом, не противоречит традиционным представлениям о выученной беспомощности, а рассматривает ее как возможное проявление личностной беспомощности [10].

Субъектно-деятельностный подход, являясь теоретико-методологической основой изучения личностной беспомощности, предопределяет содержание этого понятия. Так, личностная беспомощность – это качество субъекта, представляющее собой единство определенных

личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать целей, преодолевая различного рода трудности. Такими внутренними условиями являются эмоциональные, мотивационные, когнитивные и волевые особенности личности. Внешними условиями могут выступать средовые факторы. Необходимо отметить, что Д.А. Циринг доказана континуальная природа личностной беспомощности. Так, противоположной характеристикой данного феномена выступает самостоятельность субъекта.

Формирование личностной беспомощности – крайне важный, но фактически не изученный до сих пор вопрос. Осознание того, как происходит этот процесс, даст ключ к пониманию психологического смысла феномена личностной беспомощности. Вопрос формирования личностной беспомощности является краеугольным камнем при создании системы профилактики и коррекции. В настоящем исследовании рассматриваются факторы формирования, представляющиеся наиболее важными, однако, они, безусловно, не исчерпывают всего перечня средовых воздействий, которые могут играть ту или иную роль в процессе становления личностной беспомощности.

Наиболее важным фактором формирования личностной беспомощности нам представляются нарушения в системе семейных взаимоотношений, в том числе травмирующие отношения. Семья многими психотерапевтами и психологами рассматривается как важнейший фактор травматизации личности и причина различных психологических проблем личности. Представляется очевидным, что наличие нарушений в стиле воспитания родителей является основным фактором риска для формирования личностной беспомощности. Он оказывается особенно значимым, если у ребёнка есть некоторые врождённые особенности (особенности нервной системы, генетически унаследованные особенности психики), повышающие его уязвимость к возникновению указанной характеристики [3, 6, 7, 8, 12].

Таким образом, теоретический анализ проблемы формирования личностной беспомощности и аналитический обзор научной литературы привели к постановке цели и гипотезы исследования.

Цель работы

Цель исследования – выявить особенности семейных взаимоотношений и их вклада в формирование личностной беспомощности у подростков.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что взаимоотношения родителей и подростков с личностной беспомощностью характеризуются дисгармоничностью, что детерминирует личностную беспомощность у подростков.

Методы и методология проведения работы

Для проверки выдвинутого предположения было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 533 подростка в возрасте от 13 до 16 лет и 557 человек их родителей (из них 182 отца, 375 матерей).

Для диагностики личностной беспомощности применялись: Опросник стиля атрибуции у подростков (Д.А. Циринг), Шкала депрессии, (Т.И. Балашова), Личностная шкала проявлений тревоги (Т.А. Немчинов, В.Г. Норакидзе), Методика определения самооценки (С.А. Будасси). Для выявления нарушений семейных взаимоотношений – Методика анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкого [9].

Для проверки гипотезы о нарушениях семейного воспитания как средовом факторе формирования личностной беспомощности нами были сформированы выборки испытуемых (контрастные группы) с личностной беспомощностью и самостоятельностью. В соответствии с концепцией личностной беспомощности (Циринг, 2005-2012), а также существующими теоретическими представлениями и результатами эмпирических исследований (Веденева, 2009; Забелина, 2009; Яковлева, 2011), в качестве показателей, по сочетанию которых диагностируется личностная беспомощность и противоположная ей характеристика – самостоятельность, нами были использованы показатели атрибутивного стиля, депрессии, тревожности и самооценки. Данные показатели в совокупности диагностируют целостную (системную) характеристику личности – личностную беспомощность, как было доказано в исследовании Д.А. Циринг (2010) [5, с. 195].

Так, диагностическими критериями личностной беспомощности выступают: пессимистический атрибутивный стиль, высокий показатель «надежды», который фактически в данном случае оказывается показателем безнадежности (причины неудач воспринимаются как постоянные и универсальные), повышенный уровень депрессивности и тревожности, а также пониженная самооценка. Самостоятельность как противоположная личностной беспомощности характеристика личности, диагностируется соответственно при оптимистическом атрибутивном стиле, низком показателе «надежды» (причины неудач воспринимаются как временные и конкретные), низком уровне депрессивности и тревожности и адекватной или несколько повышенной самооценке.

По указанным диагностическим критериям было обследовано 533 испытуемых подросткового возраста, после чего был применен кластерный анализ. Два из полученных нами кластеров характеризуются полярными значениями диагностических показателей личностной беспомощности. Подростки, вошедшие в первый кластер, названный «Беспомощные» (N=119), отличаются пессимистическим атрибутивным стилем (0,23), относительно высоким уровнем депрессивности (44,49) и тревожности (24,45), заниженным уровнем самооценки (0,57), что свидетельствует о наличии у данных испытуемых признаков личностной беспомощности. Полученные данные соответствуют результатам ранее проведенных исследований личностной беспомощности (Е.В. Веденева, Д.А. Циринг, Е.А. Евстафеева, Е.В. Забелина, Ю.В. Яковлева). Во второй кластер, названный «Самостоятельные» (N=114), вошли испытуемые, для которых свойственны противоположные личностной беспомощности характеристики: оптимистический атрибутивный стиль (3,77), низкий уровень депрессивности (30,02) и тревожности (13,90), адекватная самооценка (0,68), что соответствует описанию такой системной характеристики субъекта, как самостоятельность (Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева) [10].

С целью проверки достоверности различий полученных кластеров по диагностируемым критериям было проведено сравнение средних значений посредством однофакторного дисперсионного анализа. Результаты сравнения доказывают, что существуют достоверно значимые различия между выявленными кластерами по всем диагностическим критериям личностной беспомощности: уровню депрессивности ($F=324,6$, при $p=0,000$); тревожности ($F=143,1$, при $p=0,000$), самооценки ($F=4,68$, при $p=0,01$); показателю надежды ($F=20,3$, при $p=0,000$); атрибутивному стилю ($F=27,4$, при $p=0,000$). Таким образом, полученные кластеры достоверно отличаются друг от друга по выраженности признаков личностной беспомощности.

Для эмпирического подтверждения предположения о том, что нарушения семейных взаимоотношений определяют личностную беспомощность у подростков, были изучены типы негармоничного семейного воспитания в семьях подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью. По результатам диагностики был проведен сравнительный анализ выявленных нарушений семейных взаимоотношений подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью. В исследовании приняли участие родители подростков с беспомощностью ($N_{\text{отцы}} = 42$; $N_{\text{матери}} = 119$) и самостоятельностью ($N_{\text{отцы}} = 53$; $N_{\text{матери}} = 114$).

Результаты исследования и их обсуждение

Типы нарушений межличностных семейных взаимоотношений у родителей подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью диагностировались с помощью методи-

ки Анализ семейных взаимоотношений Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса. В качестве статистического метода сравнения нарушений семейного воспитания подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью использовался непараметрический критерий U-Манна-Уитни для двух независимых выборок.

Сравнительный анализ средних значений по показателю протекции (совокупность сил, внимания, времени, которое уделяется ребенку) в процессе воспитания показал, что матери беспомощных подростков больше склонны к проявлению гиперпротекции, чем матери самостоятельных ($U=4595$, $p=0,000$), но в типах семейного воспитания отцов не обнаруживаются значимые отличия в проявлении гиперпротекции. Отцы как самостоятельных, так и подростков с личностной беспомощностью проявляют гиперпротекцию в равной степени.

Гиперпротекция матерей беспомощных подростков, проявляется в чрезмерном уделении времени ребенку, сил и внимания, его воспитание становится центральным делом их жизни. Е.Л. Птичкина (2001) предполагает, что претензии матери на главенствующую роль в жизни подростка не позволяют последнему удовлетворить потребность в автономии в семье, а затем и в самостоятельной жизни, что и приводит, по нашему мнению, к формированию личностной беспомощности [4]. Гиперпротекция способствует развитию межличностной зависимости, так как поощряет зависимость ребенка от матери. Гиперпротекция неблагоприятна для ребенка еще и тем, что в определенных сочетаниях входит как составляющая в такие типы негармоничного семейного воспитания, как доминирующая и потворствующая гиперпротекции. При анализе влияния семейного воспитания на формирование личностной беспомощности важно отметить, что доминирующая гиперпротекция не дает возможности учиться на собственном опыте, разумно использовать свободу, приучает к несамостоятельности, подавляет чувство ответственности и долга (Э.Г. Эйдемиллер, И.В. Добряков, И.М. Никольская, 2003) [2]. Данный тип воспитания способствует закреплению несамостоятельности подростка, его психологической незрелости, и как следствие, становлению личностной беспомощности как качества личности. По шкале «гипопротекция» семейное воспитание подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью достоверно не различаются.

По результатам сравнения степени удовлетворения потребностей ребенка были также обнаружены статистически значимые отличия по шкале «потворствование» между родителями самостоятельных и беспомощных подростков.

Матери ($U=4782$, $p=0,000$), и отцы ($U=87$, $p=0,000$) беспомощных подростков стремятся в большей степени, чем родители самостоятельных, удовлетворить максимально и некритично потребности ребенка, объясняя подобное поведение исключительностью ребенка, его «сла-

бостью», либо желанием дать ему то, чего были сами лишены. При потворствовании родители бессознательно проецируют на детей свои ранее не удовлетворенные потребности. Семья, создавая чрезмерно благополучную воспитательную обстановку, воспитывает недостаточно подготовленного к самостоятельной жизнедеятельности субъекта.

Игнорирование потребностей ребенка со стороны матери беспомощных подростков обнаруживается чаще, чем у самостоятельных ($U=5024$, $p=0,000$) и свидетельствует о недостаточном стремлении родителя к удовлетворению потребностей ребенка. Причем чаще страдают духовные потребности, особенно потребность в эмоциональном контакте, общении с матерью. В условиях эмоционального отвержения формируются черты неуверенности, низкая самооценка, что является одним из показателей личностной беспомощности подростка. Н.С. Бубновой было обнаружено, что наиболее деструктивным для образа «Я» подростка является такой стиль взаимодействия, как отвержение. Другими словами, нарушение удовлетворения потребностей ребенка матерью влечет снижение самооценки личности ребенка, развивает неуверенность, неспособность контролировать ситуации. Отсутствие стремления родителя отслеживать потребности ребенка в сочетании с другими нарушениями семейного воспитания приводит к формированию личностной беспомощности.

Необходимо отметить, что чрезмерное количество требований-обязанностей чаще предъявляется к подросткам со стороны матерей, воспитавших беспомощных подростков, чем матерями подростков с самостоятельностью ($U=5185$, $p=0,001$). Предъявляемые требования к ребенку, как правило, очень велики, не соответствуют возможностям ребенка и не только не содействуют полноценному развитию его личности, но и напротив, представляют риск психотравматизации.

Матери беспомощных подростков более склонны предъявлять большое количество требований-запретов к ребенку ($U=3838$, $p=0,000$), ограничивающих его свободу и самостоятельность, что может лежать в основе типа такого негармоничного типа воспитания, как доминирующая гиперпротекция. Чрезмерность требований-запретов к подростку отражает страх матери перед любым проявлением его самостоятельности, этот страх проявляется в резком преувеличении последствий, к которым может привести даже незначительное нарушение запретов. Такое воспитание, однозначно, купирует самостоятельность ребенка, лишая его возможности самому выбирать способ поведения.

Недостаточность требований-обязанностей отцов ($U=586$, $p=0,000$) и матерей ($U=5795$, $p=0,05$) чаще встречается в стилях воспитания самостоятельных подростков. В данном случае ребенок имеет минимальное количество обязанностей в семье, возможно и большую свободу,

предоставляемую чаще отцом, чем матерью. Также со стороны отца в воспитании самостоятельных чаще обнаруживается такая особенность, как недостаточность требований-запретов ($U=695$, $p=0,000$), то есть ребенку многое позволено, отсутствуют рамки поведения со стороны отца, чего не прослеживается в воспитании беспомощных подростков.

Строгость санкций за нарушение требований ребенком, как со стороны отца ($U=660$, $p=0,000$), так и матери ($U=5638$, $p=0,02$) отличает воспитание в семьях беспомощных подростков от самостоятельных. Для таких родителей характерна приверженность к применению строгих наказаний, что лежит в основе воспитания по типу жестокого обращения.

Особенностью семейных взаимоотношений беспомощных подростков является высокая степень непоследовательности и неустойчивости поведения родителей ($U=352$, $p=0,000$ (отцы), $U=3809$, $p=0,000$ (матери)).

Неустойчивость семейных взаимоотношений проявляется в непрогнозируемости реакций родителя на поведение ребенка, размытости воспитательных приоритетов, норм и принципов. Подросток оказывается не в силах предвидеть развитие ситуации, а значит, и влиять на неё. Данная особенность может проявляться как необоснованная смена воспитательных приемов в отношении подростка, приводящая к росту тревожности и неуверенности подростка, которые, в свою очередь, складываются в симптомокомплекс личностной беспомощности.

При анализе структурно-ролевого аспекта жизнедеятельности семьи выявлено предпочтение в подростке детских качеств отцом беспомощных подростков достоверно чаще, чем отцами самостоятельных ($U=771$, $p=0,006$).

Отцы беспомощных подростков чаще стремятся стимулировать сохранение у подростка детских качеств, таких как непосредственность, наивность, игривость, проявляя, таким образом, страх и нежелание взросления детей, а в частности, проявления последними самостоятельности, снижая в процессе воспитания уровень требования к подростку, создавая потворствующую гиперпротекцию, тем самым культивируя в ребенке личностную беспомощность.

Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств также диагностируется у родителей беспомощных подростков чаще, чем у самостоятельных ($U=679$, $p=0,000$ (отцы), $U=3088$, $p=0,000$ (матери)). Родитель видит в ребенке мнимые черты характера, которые чувствует, но не признает в себе самом. Он ведет активную борьбу с ними, извлекая из этого эмоциональную выгоду для себя. В такой борьбе родитель явно высказывает неверие в ребенка, стремление в любых поступках ребенка выявить негативную причину, что приводит к демотивации ребенка, к его нежеланию проявлять активность, самостоятельность.

Значимые различия между нарушениями в межличностных семейных коммуникациях самостоятельных и беспомощных подростков были получены по шкале «вынесение отцом конфликта между супругами в сферу воспитания» ($U=310$, $p=0,000$). Открытое недовольство отца методами воспитания матери беспомощных подростков демонстрирует не столько то, как воспитывать ребенка, сколько то, кто прав в воспитательных спорах.

Более выраженная воспитательная неуверенность обоих родителей беспомощных подростков ($U=582$, $p=0,000$ (отцы), $U=3981$, $p=0,000$ (матери)), позволяет последним манипулировать родителями, так как подросток сумел найти «слабое место», подход к своему родителю и добивается для себя в этой ситуации «минимум требований – максимум прав». В основе данного стиля воспитания лежит такое нарушение, как потворствующая гиперпротекция, реже просто пониженный уровень требований. Данный вид нарушения в семейном воспитании обнаруживается как у отцов, так и у матерей беспомощных подростков.

Неразвитость родительских чувств диагностируется у родителей беспомощных подростков в большей мере, чем у самостоятельных ($U=437$, $p=0,000$ (отцы), $U=4697$, $p=0,000$ (матери)). Данная особенность семейного воспитания возникает при отсутствии у родителей чувства долга, симпатии, любви к ребенку. Таких родителей характеризует нежелание участвовать в жизни ребенка, поверхностность интереса к его делам. Незрелость родительских чувств обуславливает тип воспитания – повышенная моральная ответственность, когда в семье на ребенка перекладывается значительная доля родительских обязанностей.

Заключение

Итак, полученные данные в совокупности свидетельствуют об очевидных различиях в нарушениях семейных взаимоотношений подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью. Коммуникативные процессы в семье беспомощных подростков отличаются большим количеством нарушений, детерминирующих формирование личностной беспомощности, чем семейные взаимоотношения самостоятельных подростков. Для родителей беспомощных подростков характерен негармоничный тип семейных взаимоотношений, поддерживающий низкую степень дифференцированности в семье, обуславливая отсутствие у ребенка собственных внутренних ресурсов для решения сложностей различного характера, чрезмерную зависимость от окружающих, что приводит к формированию личностной беспомощности.

Обобщая рассмотренные особенности семейных взаимоотношений беспомощных подростков, можно сделать вывод, что родители беспомощных подростков по сравнению с родителями самостоятельных чаще проявляют доминирующую гиперпротекцию, повышенную

моральную ответственность, жестокое обращение, неустойчивый тип семейных взаимоотношений. По итогам исследования подтверждена гипотеза о том, что нарушения семейных взаимоотношений выступают одним из основных средовых факторов формирования личностной беспомощности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда на 2014-2015 гг. (ГК № 14-06-00577 а).

Список литературы

1. Евстафеева Е.А. Личностная беспомощность как одна из детерминант деструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2011. №2. С. 106.
2. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. – СПб.: Речь. 2006. С. 249-253.
3. Пономарева И.В. Семья как фактор формирования личностной беспомощности // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. №4. 2011. – Челябинск: ООО «ИзЛиТ». С. 109-113.
4. Птичкина Е.Л. Семья и подросток: внутрисемейные детерминанты девиантного поведения старших подростков. Учебное пособие. – Камчат.: Изд-во КамГУ. 2006. 102 с.
5. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. – М.: Академия. 2010. 410 с.
6. Циринг Д.А., Пономарева И.В., Овчинников М.В., Эвнина К.Ю. Средовая природа личностной беспомощности // Вестник Томского государственного университета. №389. 2014. С. 217-220.
7. Циринг Д.А., Пономарева И.В., Овчинников М.В., Евстафеева Е.А., Честюнина Ю.В. Эмпирическое исследование стилей семейного воспитания и особенностей взаимоотношений с родителями в семьях детей с личностной беспомощностью // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-4. С. 929-933;
8. Циринг Д.А. Семья как фактор формирования личностной беспомощности у детей // Вопр. психологии. 2009. № 1. С. 22-31.
9. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 2-е изд., расшир. и доп. – СПб.: Питер. 2000. 656 с.

10. Яковлева Ю.В. Феномен самостоятельности (на материале юношеского возраста) // Вестник Костром. гос. Ун-та им. Н.А. Некрасова. 2008. № 5. С. 161-165.
11. Ponomareva I. Tsiring D. Adolescents from families with disturbances in relationships: typology of personal helplessness, 28th International Congress of Applied Psychology. Paris. France. 2014. <http://www.icap2014.com/> (accessed September 10, 2015).
12. Ponomareva I., Tsiring D. Typology of Personal Helplessness and Its Relationship with Different Parenting Styles. The 13th European Congress of Psychology. Stockholm. 2013. <http://www.ecp2013.se> (accessed September 10, 2015).
13. Seligman, M.E.P. Helplessness: on depression, development, and death / M.E.P. Seligman. – San Francisco: W. H. Freeman, 1975. 250 p.
14. Tsiring D. Effects of Personal Helplessness in Adolescents' Behaviour, 28th International Congress of Applied Psychology. Paris. France. 2014. <http://www.icap2014.com/> (accessed September 10, 2015).
15. Tsiring D. Effects of Personal Helplessness in Human Activities and Behavior. The 13th European Congress of Psychology. Stockholm. 2013. <http://www.ecp2013.se/> (accessed September 10, 2015).

References

1. Evstafeeva E.A. Lichnostnaja bespomoshhnost' kak odna iz determinant destruktivnogo povedenija sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2011. №2. P. 106.
2. Nikol'skaja I.M., Granovskaja R.M. Psihologicheskaja zashhita u detej. – SPb.: Rech'. 2006. Pp. 249-253.
3. Ponomareva I.V. Sem'ja kak faktor formirovanija lichnostnoj bespomoshhnosti // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. №4. 2011. – Cheljabinsk: ООО «IzLiT». Pp. 109-113.
4. Ptichkina E.L. Sem'ja i podrostok: vnutrisemejnye determinanty deviantnogo povedenija starshih podrostkov. Uchebnoe posobie. – Kamchat.: Izd-vo KamGU. 2006. 102 p.
5. Tsiring D.A. Psihologija lichnostnoj bespomoshhnosti: issledovanie urovnej sub#ektnosti. – M.: Akademija. 2010. 410 p.
6. Tsiring D.A., Ponomareva I.V., Ovchinnikov M.V., Jevnina K.Ju. Sredovaja priroda lichnostnoj bespomoshhnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. №389. 2014. Pp. 217-220.

7. Tsiring D.A., Ponomareva I.V., Ovchinnikov M.V., Evstafeeva E.A., Chestjunina Ju.V. Jem-piricheskoe issledovanie stilej semejnogo vospitanija i osobennostej vzaimootnoshenij s rodite-ljami v semʒjah detej s lichnostnoj bespomoshhnošju // Fundamentalʒnye issledovanija. 2014. № 11-4. Pp. 929-933.
8. Tsiring D.A. Semʒja kak faktor formirovanija lichnostnoj bespomoshhnosti u detej // Vopr. psi-hologii. 2009. № 1. Pp. 22-31.
9. Jejdemiller Je.G., Justickis V. Psihologija i psihoterapija semʒi. 2-e izd., rasshir. i dop. – SPb.: Piter. 2000. 656 p.
10. Jakovleva Ju.V. Fenomen samostojatelʒnosti (na materiale junosheskogo vozrasta) // Vestnik Kostrom. gos. Un-ta im. N.A. Nekrasova. 2008. № 5. Pp. 161-165.
11. Ponomareva I. Tsiring D. Adolescents from families with disturbances in relationships: typology of personal helplessness, 28th International Congress of Applied Psychology. Paris. France. 2014. <http://www.icap2014.com/> (accessed September 10, 2015).
12. Ponomareva I., Tsiring D. Typology of Personal Helplessness and Its Relationship with Diffe-rent Parenting Styles. The 13th European Congress of Psychology. Stockholm. 2013. <http://www.ecp2013.se> (accessed September 10, 2015).
13. Seligman, M.E.P. Helplessness: on depression, development, and death / M.E.P. Seligman. – San Fracisco: W.H. Freeman, 1975. 250 p.
14. Tsiring D. Effects of Personal Helplessness in Adolescents' Behaviour, 28th International Con-gress of Applied Psychology. Paris. France. 2014. <http://www.icap2014.com/> (accessed Sep-tember 10, 2015).
15. Tsiring D. Effects of Personal Helplessness in Human Activities and Behavior. The 13th Euro-pean Congress of Psychology. Stockholm. 2013. <http://www.ecp2013.se/> (accessed September 10, 2015).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Циринг Диана Александровна, ректор, профессор кафедры психологии, доктор психоло-гических наук, профессор

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская обл., 454000, Россия

e-mail: l-di@yandex.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 8114-4396

Пономарева Ирина Владимировна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская обл., 454000, Россия

e-mail: ivp-csu@yandex.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 8645-9023

Овчинников Михаил Владимирович, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская обл., 454000, Россия

e-mail: ovtnv@mail.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 4715-5439

Эвнина Ксения Юрьевна, преподаватель кафедры психологии

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская обл., 454000, Россия

e-mail: evnina@mail.ru

Честюнина Юлия Владимировна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская обл., 454000, Россия

e-mail: butterfly@mail.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 6927-3668

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tsiring Diana Aleksandrovna, rector, Professor of the Department of Psychology, Doctor of Psychology

Chelyabinsk State University

Brothers Kashirinykh st., 129, Chelyabinsk, 454000, Russia

e-mail: l-di@yandex.ru

Ponomareva Irina Vladimirovna, assistant professor of psychology, Ph.D.

Chelyabinsk State University

Brothers Kashirinykh st., 129, Chelyabinsk, 454000, Russia

e-mail: ivp-csu@yandex.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 8645-9023

Ovchinnikov Mikhail Vladimirovich, assistant professor of psychology, Ph.D.

Chelyabinsk State University

Brothers Kashirinykh st., 129, Chelyabinsk, 454000, Russia

e-mail: ovmv@mail.ru

Evkina Ksenia Yurevna, Lecturer, Department of Psychology

Chelyabinsk State University

Brothers Kashirinykh st., 129, Chelyabinsk, 454000, Russia

e-mail: evkina@mail.ru

Chestyunina Julia Vladimirovna, assistant professor of psychology, Ph.D.

Chelyabinsk State University

Brothers Kashirinykh st., 129, Chelyabinsk, 454000, Russia

e-mail: butterfly@mail.ru